

Р. Петраускас

ПРАВЯЩИЙ РОД И ЗНАТЬ: К ВОПРОСУ О ПРЕДПОСЫЛКАХ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИТОВСКОГО ГОСУДАРСТВА*

I

В литовской историографии генезис государственности и развитие ранних политических структур исследовались спорадически. Классическим по-прежнему остается труд Хенрика Ловмянского, написанный в межвоенный период¹, в котором формирование Литовского государства впервые было рассмотрено как долговременный социальный и политический процесс. Ловмянский исчерпывающе проанализировал возникновение власти монарха, показал значение дружинного фактора, развитие политических институтов, социальных групп. Это направление исследований впоследствии развивали Владимир Пашуто и Ежи Охманский². Однако больше концептуальных новшеств принесли исследования Эдвардаса Гудавичюса в конце XX в. Этот исследователь подчеркнул роль индивидуального землевладения (аллода/одаля) в социальной истории XIII в.³, изучал княжеские группировки начала XIII в.⁴, а увенчал свои исследования монографией о первом короле Литвы Миндовге и его эпохе⁵. Из других недавних публикаций можно отметить монографии Вячеслава Носевича и Артураса Дубониса⁶, а также сборник

* Перевод с литовского С. В. Полехова.

¹ *Lowmiański H.* Studja nad początkami społeczeństwa i państwa litewskiego. Т. 1–2. Wilno, 1931–1932; ср.: *Lowmiański H.* Studia nad dziejami Wielkiego Księstwa Litewskiego. Poznań, 1983.

² *Пауцмо В. Т.* Образование Литовского государства. М., 1959; *Ochmański J.* Uwagi o litewskim państwie wczesnofeudalnym // *Roczniki Historyczne*. 1961. Т. 27. S. 143–160.

³ *Gudavičius E.* 1) Baltų alodo raida // *Lietuvos TSR Mokslų Akademijos darbai. Serija A.* 1979. Т. 4. P. 95–103; 2) Baltų alodo paveldėjimas ir disponavimas juo // *Ibid.* 1980. Т. 3. P. 55–62; 3) Aukščiausia žemės nuosavybė «barbarinėje» Lietuvoje // *Lietuvos TSR aukštųjų mokyklų mokslo darbai. Istorija.* 1983. Т. 23. P. 3–12. Эти статьи переизданы: *Gudavičius E.* Lietuvos europėjimo keliais: Istorinės studijos. Vilnius, 2002. P. 87–123.

⁴ *Gudavičius E.* 1) 1219 metų sutarties dalyviai ir jų vaidmuo suvienijant Lietuvą // *Istorija.* 1982. Т. 22. P. 33–46; 2) Bandytas lokalizuoti XIII a. lietuvių kunigaikščių valdas // *Lietuvos TSR Mokslų Akademijos darbai. Serija A.* 1984. Nr. 3. P. 69–79.

⁵ *Gudavičius E.* Mindaugas. Vilnius, 1998.

⁶ *Носевич В. Л.* Пачаткі Вялікага княства Літоўскага. Падзеі і асобы. Мінск, 1993; *Dubonis A.* Traidenis. Monarcho valdžios atkūrimas Lietuvoje (1268–1282). Vilnius, 2009.

статей, посвященный проблематике образования Литовского государства в европейской перспективе⁷. Отдельно следует упомянуть исследования археологов. С одной стороны, они в последние годы опубликовали действительно много нового материала по материальной культуре, меняющего представление о жизни людей той эпохи⁸. С другой стороны, в этих исследованиях по-прежнему господствует традиция переноса этнонимов, зафиксированных в позднейших источниках, в более ранние времена без существенных оговорок⁹. Механически присоединив к априорному представлению археологические данные о материальной культуре, основанные главным образом на анализе погребальных памятников, и согласовав их с достаточно противоречивыми языковыми данными, ученые «открывают» этногенетические процессы и составляют карты расселения этносов (племен). В изучении образования Литовского государства по-прежнему не хватает таких археологических исследований территориальных структур в первые века государственности, в основе которых лежала бы новейшая методология¹⁰.

Между тем в работах историков получила распространение тенденция компенсировать нехватку источников, прибегая к ретроспективному методу исследования. Хотя в отдельных случаях его ценность несомненна (например, при изучении некоторых слабо меняющихся социальных и правовых обычаев¹¹), все же необходимо иметь в виду опасность анахронизации, которую он несет в себе. Сравнительный метод при адекватном применении иногда может помочь точнее представить тогдашнюю социально-политическую ситуацию. Из таких исследований, основанных на компаративном анализе, для нашей тематики особенно важны труды, касающиеся Центрально-Восточной Европы, — работы Франтишека Грауса о формировании государств в Средние века¹², Яноша М. Бака о взаимоотношениях правителей и элитных групп¹³, Пшемислава Урбанчика о характере власти в ранней монархии¹⁴, Славомира Гавляса о процессах территориализации в немецких землях и Польше¹⁵.

II

В случае Литвы историками еще недостаточно осознан специфический характер ранней монархии, ее отличия от организации позднейшей территориальной монархии. В европейской историографии такие наблюдения уже достаточно давно стали концеп-

⁷ Lietuvos valstybės susikūrimas europiniame kontekste / Sud. R. Petrauskas. Vilnius, 2008.

⁸ Ср. новейшие работы об отдельных балтских племенах: *Žulkus V. Kuršiai Baltijos jūros erdvėje*. Vilnius, 2004; *Vasiliauskas E. Žiemgalių žemės XII–XIII a.* // *Kryžiaus karų epocha Baltijos regiono tautų istorinėje sąmonėje* / Sud. R. Trimonienė. Šiauliai, 2007. P. 34–64.

⁹ Вот лишь несколько работ из обширной литературы: *Lietuvių etnogenėzė* / Red. R. Volkaitė-Kulikauskienė. Vilnius, 1987; *Vakarų baltai: Etnogenėzė ir etninė kultūra*. Vilnius, 1997; *Vaitkumskienė L. Dėl žemaičių kilmės // Žemaičių praeitis*. T. 1. Vilnius, 1990. P. 26–41. Ср. новейшие синтезы: *Археалогія Беларусі*. Т. 3: Сярэднявековы перыяд (IX–XIII стст.). Мінск, 2000; *Lietuvos istorija*. T. 2: *Geležies amžius*. Vilnius, 2007.

¹⁰ Ср. работы польских археологов: *Kurnatowska Z. 1) Początki Polski*. Poznań, 2002; 2) *Territorial structures in West Poland prior to the founding of the state organization of Mieszko I // Origins of Central Europe* / Ed. by P. Urbańczyk. Warszawa, 1997.

¹¹ См. исследования Ю. Бардаха: *Bardach J. Studia z ustroju i prawa Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV–XVII w.* Warszawa; Białystok, 1970.

¹² *Graus F. Die Entstehung der mittelalterlichen Staaten in Mitteleuropa // Historica*. Bd. 10. 1965. S. 5–65.

¹³ *Bak J. M. Studying medieval rulers and their subjects. Central Europe and beyond*. Aldershot, 2010.

¹⁴ *Urbańczyk P. Władza i polityka we wczesnym średniowieczu*. Wrocław, 2008.

¹⁵ *Gawlas S. O kształt zjednoczonego Królestwa. Niemieckie władztwo terytorialne a geneza społeczno-ustrojowej odrębności Polski*. Warszawa, 1996.

туальной опорной точкой изучения ранних политических структур¹⁶. Ранняя монархия функционировала не как территориальное государство, управляемое институтами, а как политическое образование, создаваемое на основе межличностных связей. Его существование требовало, чтобы людей, принадлежащих к правящему слою, связывали между собой непосредственные отношения подчинения, преданности и дружбы. Опасность для стабильности сложившегося политического порядка несла каждая смерть правителя, являвшегося связующим звеном этой системы. В период становления государства в XIII–XIV вв. политические институты были особенно неустойчивыми, возникающие должности нередко исчезали спустя некоторое время, а наряду с созданными государственными территориальными структурами существовали образования, не охваченные системой управления.

Эволюционная модель развития Литвы в ранний период, долгое время господствовавшая в историографии, разные государственные институты генетически выводила из племенных политических образований и игнорировала возможные структурные переломы. В условиях отсутствия источников, способных пролить свет на развитие внутренней организации ранней литовской монархии, есть соблазн подразумевать существование определенных политических институтов, существование которых засвидетельствовано для позднейшего времени, и переносить их из одной эпохи в другую. Таким образом, создается представление о якобы последовательном росте государственности, которое затмевает непостоянство политического и социального развития, присущее ранним монархиям. Это историческое непостоянство отражается в традиции, сопровождающей формирование политического сообщества, а точнее, в разрывах в этой традиции. Правители XIV в. из династии Гедиминовичей мало что знали о своем «предшественнике» — короле Миндовге¹⁷, и это косвенно свидетельствует о переломах, происходивших в период формирования государства. Несколько политических кризисов, последовавших один за другим после убийства Миндовга и в последние десятилетия XIII в., были характерными и неизбежными для ранней монархии явлениями, при которых внутренние усобицы и внешнее давление создавали реальную опасность для сохранения только что сформировавшегося политического образования. Все же повторяющиеся попытки объединиться и возобновление государственной традиции демонстрируют усилия тогдашних господствующих групп, направленные на поиск новых интеграционных идей, необходимых для непрерывного существования политического сообщества. Важнейшим его фактором было возникновение консолидированной политической элиты, которая состояла из правящего рода, переживающего свое возвышение, и тесно связанных с ним групп знати. Все роды, входившие в эту элиту, происходили из достаточно определенного региона («Литовская земля», «Lithuania propria» — нынешняя Восточная Литва и Западная Белоруссия), а объединяло их соседство владений, родство по браку и складывающиеся связи верности и дружбы.

¹⁶ Например: *Althoff G.* Verwandte, Freunde und Getreue. Zum politischen Stellenwert der Gruppenbindungen im früheren Mittelalter. Darmstadt, 1990; *Wood I.* The Merovingian Kingdoms, 470–751. New York, 1994; *Keller H.* Ottonische Königsherrschaft. Organisation und Legitimation königlicher Macht. Darmstadt, 2002.

¹⁷ *Petrauskas R.* Užmirštas karalius: Mindaugas LDK visuomenės savimonėje XIV a. pabaigoje – XVI a. // *Mindaugas karalius.* Vilnius, 2008. P. 51–63 (ср. сокращенную русскоязычную версию: *Петраускас Р.* Забытый король: Миндовг в политико-историческом сознании литовской элиты в конце XIV – начале XVI вв. // Литва эпохи Миндаугаса и ее соседи: Исторические и культурные связи и параллели. Тезисы. М., 2003. С. 40–43).

В рамках статьи невозможно дать углубленный обзор всей совокупности сложных проблем, поэтому далее будут рассмотрены два аспекта процесса формирования Литовского государства: 1) возвышение правящего рода и 2) складывание наследственной знати.

III

Одним из важнейших признаков средневековой государственности является формирование правящего рода (*stirps regia*). Понятие этого исключительного рода охватывает круг лиц, имеющих право на верховную власть или ее часть. Для правящего рода характерна династическая структура, когда наследование обеспечивается лишь ближайшим членам семьи. Обычно это сыновья монарха, однако в условиях складывающегося, неустоявшегося династического правления престол мог унаследовать и брат или другой близкий (из боковой линии династии) родственник¹⁸. В Литве зачатки династической структуры наблюдаются в середине XIII в. Легендарный Рынгольт «стал» отцом Миндовга лишь под пером летописцев XVI в., и нет никаких оснований даже с оговорками говорить о княжеской династии до Миндовга¹⁹. Отец Миндовга, названный в Ливонской рифмованной хронике «великим королем», несомненно был одним из самых влиятельных литовских князей своего времени, однако статус его сыновей Довспрунка и Миндовга в договоре литовских князей с Волинью 1219 г. (они упоминаются лишь после князя Живинбуда)²⁰ свидетельствует о том, что в начале XIII в. они принадлежали к одной из нескольких доминирующих группировок литовских князей. При Миндовге началась кристаллизация более ясного династического самосознания: об этом свидетельствует целый ряд событий. Пытаясь обеспечить наследование королевской власти, Миндовг в 1255 г. получил от папы Александра IV разрешение короновать своего сына²¹. Инициатива появления этой папской буллы, несомненно, исходила от Миндовга. Королевская корона для сына была дополнительной гарантией того, что будет узаконен новый, более определенный порядок наследования и утвердится преемственность королевской власти. Тогда же возникает концепция государства как королевской территории, ясно видимая в документе Миндовга о пожаловании Ливонскому ордену 1259 г. (*in regno vel dominio nostro*)²². После смерти Миндовга соперничество за обладание престолом шло только внутри его семьи: Тройнат, Войшелк и Шварн могли претендовать на престол лишь как (соответственно) племянник (сын сестры), сын и зять Миндовга. Хотя родство со стороны матери в социальной структуре того времени играло важную роль и, как видно, при благоприятном стечении обстоятельств даже могло открыть путь к верховной власти, все же как естественное воспринималось наследование по мужской линии. Поэтому галицко-волинский князь Шварн, состоявший в родстве с династией литовских князей, при принятии власти от

¹⁸ Гудавичюс Э. По поводу так называемой «диархии» в Великом Княжестве Литовском // Feodālisms Baltijas reģiōna. Rīga, 1985. С. 35–44.

¹⁹ Ср. довольно анахроничные попытки: Paszkiewicz H. 1) Litwa przed Mendogiem // Pamiętnik V Powszechnego zjazdu historyków polskich w Warszawie. T. 1: Referaty. Lwów, 1930. S. 246–258; 2) Jagiellonowie a Moskwa. T. 1: Litwa a Moskwa w XIII i XIV wieku. Warszawa, 1933. S. 21–104; Baranauškas T. Lietuvos valstybės ištakos. Vilnius, 2000.

²⁰ Договор 1219 г.: Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 1962. Стб. 735–736.

²¹ Preussisches Urkundenbuch (далее — PUB). Bd. 1/1 / Hrsg. von R. Philippi. Königsberg, 1882. S. 229.

²² PUB. Bd. 1/2 / Hrsg. von A. Seraphim. Königsberg, 1909. P. 70.

Войшелка был назван его «зятем»²³, а сама эта передача, скорее всего, символически трактовалась как вхождение Шварна в семью Миндовга. Все же, несмотря на то что процесс формирования династии заметно продвинулся вперед, смута второй половины XIII в. роду Миндовга утвердиться не позволила.

В историографии ведутся дискуссии о возможных родственных связях между разными родами, занимавшими литовский престол в XIII и XIV вв. Несмотря на большие усилия историков, до сих пор не удалось убедительно обосновать возможные генеалогические связи между родами Миндовга и Тройдена или Тройдена и Гедимина. Связи между разными родами, правившими в Литве в разное время, чересчур неопределенны, чтобы дать возможность сделать какие-то более или менее надежные выводы. А косвенные данные скорее говорят об отсутствии прямого родства. Традиция позднейших Гедиминовичей не знает ничего определенного ни о правлении Миндовга, ни о княжении Тройдена. Конструируя гипотезы о родстве князей, историки пытаются подкрепить их традицией княжеского именованья, но и она не позволяет увидеть генеалогическую преемственность. Сын брата Миндовга и сын Кейстута носили одно и то же имя — Товтивил, однако это такая же случайность, как и то, что сына Гедимина и вельможу эпохи Витовта звали Монивидами, а в XV в. жили несколько отдельных родов бояр Радзивиллов. Анализ имен литовских князей и вельмож XIII и XIV вв. показывает, что в дохристианской Литве преобладало именование одним именем, которое не передавалось из поколения в поколение²⁴.

Однако даже если между родами, правившими в Литве, и не было непосредственного кровного родства, велика вероятность того, что их так или иначе связывали не менее важные связи родства по браку (свойства). Все эти роды, скорее всего, происходили из т. н. «Литовской земли», т. е. тех земель современной Восточной Литвы и Западной Белоруссии, которые с самого образования Литовского государства оставались политическим и экономическим ядром страны. Отсюда происходил род, который со временем стал правящей династией²⁵. Этот род, который уже позже, в летописях XVI в., ретроспективно получил имя Гедимина (Гедиминовичей), возвысился в период смуты и внутреннего кризиса XIII в., затянувшегося после убийства короля Миндовга. Основными доменальными центрами рода были Вильна и Троки, из которых при Гедимине сформировались Виленское и Трокское княжества. В становлении идеологии великокняжеской власти особую роль сыграло правление Гедимина. В генеалогии династии, созданной в начале XV в. в окружении великого князя Витовта, история Литвы и правящего рода начинается с деда Ягайла и Витовта — Гедимина. В традиции правящей династии он считался ее родоначальником и основателем главного политического центра страны — ее столицы Вильны²⁶.

Правда, известен один исторический источник, содержащий куда более древнюю генеалогию Гедиминовичей. Несколько десятилетий назад польский историк Ежи Охманьский обратил внимание на отрывок из поэмы «Задонщина», созданной в конце XIV в. в Московском великом княжестве, в котором участники Куликовской битвы,

²³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 867.

²⁴ *Petrauskas R. Lietuvos diduomenė XIV a. pabaigoje – XV a.: Sudėtis — struktūra — valdžia*. Vilnius, 2003. P. 103–117.

²⁵ *Jakštas J. Naujausi Gedimino dinastijos kilmės tyrinėjimai // Lietuvos praeitis*. Т. 1. Kaunas, 1940. P. 29–56.

²⁶ *Origo regis Jagyelo et Wytholdi ducum Lithuanie // ПСРЛ*. Т. 35: Летописи белорусско-литовские. М., 1980. С. 115–117.

сыновья Ольгерда Андрей и Дмитрий называют себя «Сколомендовыми правнуками»²⁷. Охманьский назвал Сколоменда прямым предком Гедиминовичей и «упрекнул» средневековых авторов в том, что они не записали всего, что знали и рассказали им наследники Гедимины. Однако более вероятно, что эта генеалогия не была плодом памяти Ольгердовичей, а родилась в среде русских книжников. Авторы, обладавшие более глубокой исторической памятью и располагавшие более подробными сведениями, вложили в уста своих героев данные, найденные ими самими в других произведениях. Авторы «Задонщины» могли позаимствовать имя Сколоменда из Галицко-Волынской летописи и связать Гедиминовичей с известным им ятвяжским вождем конца XIII в. Скомондом²⁸. Возможно, что с предками Гедиминовичей этого князя соединяло некое родство по браку, однако нет оснований считать Скалманта-Сколоменда прямым предшественником рода Гедиминовичей.

Как бы то ни было, не вызывает сомнений, что правление Гедимины имело особое значение в процессе утверждения правящего рода. Хотя род Гедимины возвысился сравнительно недавно (от вокняжения его дяди Бутигейда и отца Будивида прошло всего несколько десятилетий), Гедимин все же правил уже как третий член одной и той же семьи в цепи обладателей престола, унаследовавший его от своего брата Витеня²⁹. Усиление правящей династии отчасти было следствием внутреннего развития страны, и в этом смысле особенно важно, что с самой предыстории государства власть монарха всегда была в руках знати одного региона, члены которой, несомненно, были соединены между собой разными связями «родства и дружбы». Однако не меньшее значение для возникновения новой концепции власти монарха и династии могла иметь деятельность монахов-францисканцев и доминиканцев, служивших писцами при дворе Гедимины, а возможно, и других советников-иностранцев.

Во времена Гедимины можно отметить несколько нововведений, которые укрепили положение правителя и правящего рода. В посланиях Гедимины³⁰ отразилась концепция регалий — исключительных прав монарха (прежде всего права на «ничейную» землю). Точно так же династическая власть концентрируется исключительно в руках правящей семьи. С династической политикой, скорее всего, связано «завещательное» решение Гедимины 1341 г., зафиксированное в позднейших литовских летописях, — разделить страну между семерыми сыновьями, выделив сеньора — верховного князя, которым в тот раз стал Явнут³¹. Вопреки распространенному мнению, что такое решение могло повлечь за собой опасность раздела государства, в этой акции скорее следует видеть стремление династии дальше консолидировать страну. Причиной таких действий было стремление укоренить в знатном обществе взгляд, согласно которому вся страна является «собственностью» правящей семьи. Как раз в это время утверждается новый взгляд на великих князей и новая традиция титулования. Отныне члены Гедиминова рода считали себя естественными правителями (*domini / haeres naturales*), такими их признавали и другие, государство именовалось вотчиной господаря, а великими кня-

²⁷ Охманьский Е. Гедиминовичи — «правнуки Сколомендовы» // Польша и Русь. М., 1974. С. 358–364.

²⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 799.

²⁹ О правлении Витеня и Гедимины подробнее см.: Rowell S. C. Lithuania ascending. A pagan empire within east-central Europe 1295–1345. Cambridge, 1994.

³⁰ Наиболее полное их издание: Chartularium Lithuaniae res gestas magni ducis Gedemine illustrans. Gedimino laiškai / Parengė S. C. Rowell. Vilnius, 2003.

³¹ ПСРЛ. Т. 35. С. 61 и др.

зьями могли стать лишь прямые потомки Гедимины. Одним из важнейших факторов интеграции государства было формирование идеи «правлящего рода / династии» (*stirps regia*), согласно которой право управлять страной принадлежало одной линии рода, в то время как княжеский титул признавался лишь за представителями правящей династии или лицами, состоящими в близком родстве с ними.

Впрочем, этот «вотчинный» статус не следует понимать как собственность на всю «государственную землю». Патримониальная монархия означала не абсолютное преобладание правящего рода и его представителя, а то, что династия Гедимины закрепила за собой признание наследственной, высшей и независимой власти. Территории, управляемые князьями, в Литве могли быть созданы лишь по решению великого князя или правящей династии. В XIV в. Гедиминовичи из династических, административных и военных соображений основали целый ряд удельных княжеств (Трокское, Керновское, Новогрудское, Полоцкое, Пинское, Стародубское, Черниговское и др.)³². Лишь некоторые из них становились наследственными княжествами (как оказалось впоследствии, обычно ненадолго). В XIV в. династия Гедиминовичей широко разрослась: у одного только Ольгерда было 12 сыновей, доживших до совершеннолетия. Требовалось найти такой способ их обеспечения, который не создавал бы угрозы территориальному единству и стабильности монаршей власти. С этой целью заранее намечался будущий преемник и создавались благоприятные условия для перехода власти. Таким образом, в правящем роде каждый раз выделялась новая династическая ветвь. Имя Гедиминовичей в то время уже существовало, однако подлинное самосознание княжеского рода отражают патронимы, которыми они пользовались: Ольгердович, Кейстуович, Любартович, Наримонтович, Корибутович и т. п. Поэтому род Гедиминовичей следует представлять как группу лиц, которая далеко не всегда действовала как солидарный политический организм. Подобная ситуация накануне начала процесса централизации монархии существовала и во многих других европейских государствах. Так, Владислав Локетек и Казимир Великий, положившие конец раздробленности Польши, и дальше вынуждены были терпимо относиться к самостоятельному правлению своих близких из рода Пястов, которое особенно ярко проявилось в Мазовии³³. Решающий поворот в правящем роде произошел тогда, когда он стал восприниматься не как широкий круг родственников одного поколения, а как ряд правителей, сменяющих друг друга по генеалогическому принципу.

Новая концепция правящего рода и княжеской власти объясняет, почему в конце XIV – начале XV в. лишь несколько родов литовской знати имели княжеский титул. Судя по всему, Гольшанские, Гедройцы, Свирские, Судимонт, Юрий Толочко и некоторые другие представители знати получили княжеский титул, приобретившись при помощи брачных связей к *stirps regia*³⁴. Такой путь хорошо отразился в истории князей Гольшан. Источники XIV в. «родоначальника» Гольшанских Ольгимонта называют *tagnus*

³² История первых поколений Гедиминовичей: *Tegowski J. Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów*. Poznań; Wrocław, 1999.

³³ *Kurtyka J. Odrodzone Królestwo. Monarchia Władysława Łokietka i Kazimierza Wielkiego w świetle nowych badań*. Kraków, 2001; *Swieżawski A. Mazowsze i Ruś Czerwona w średniowieczu*. Częstochowa, 1997.

³⁴ Относительно большое число таких князей неудивительно, если сравнить его с ситуацией в Западной Европе в IX в., когда значительная часть франкской знати роднилась с Каролингами, которые в целом охраняли свою династическую «чистоту» (*Tellenbach G. Vom karolingischen Reichsadel zum deutschen Reichsfürstenstand // Herrschaft und Staat im Mittelalter / Hrsg. von H. Kämpf. Darmstadt, 1956. S. 199–200*).

*satrapa*³⁵. Княжеский титул впервые употреблен лишь в отношении его сына Ивана, который состоял в свойстве с Витовтом, а территориальное понятие князя Гольшан впервые встречается в 1390 г.³⁶ (по аналогии с князьями из династии Гедиминовичей, например, Стародубский, Новогрудский князь и т. п.). Собираетелным наименованием всех членов рода Гольшанских мужского пола оно стало лишь в XV в., и это семантическое смещение отражает не память о каком-то княжестве, которое существовало в прошлом, а шедший тогда процесс формирования территории. Можно думать, что подобным путем княжеский титул получили или «узаконили» и другие литовские князья, происходившие не от Гедимина, чьи имена встречаются в источниках конца XIV – начала XV в.

В династических категориях следует интерпретировать и брачную политику Гедимина, которая, как справедливо отмечает Стивен К. Роуэлл, помимо всего прочего, была ориентирована на утверждение власти династии внутри страны³⁷. Браки с представителями и представительницами других королевских / княжеских родов означали международное признание династии, но в меньшей степени — дальнейшее усиление ее исключительности внутри страны. Браки правящей семьи в эпоху Гедимина были интернациональными, и это, как мы еще увидим, явственно отличалось от времен Миндовга: из детей Гедимина, о которых мы имеем конкретные данные, почти все (6 дочерей и 3 сына³⁸) вышли замуж или женились на лицах королевской или княжеской крови.

Несмотря на достаточно заметную смену правящих родов в первые десятилетия литовской государственности, с самых времен Миндовга можно заметить последовательные усилия правителей, направленные на формирование организации династической власти. Окончательно идея правящего рода утвердилась лишь при Гедимине. Важным фактором, который позволил в определенном смысле «компенсировать» угрозы политической стабильности страны, создаваемые династическими переменами, была деятельность литовской знати.

IV

Даже после утверждения династии Гедиминовичей долгое время отсутствовала ясная и обязательная система наследования. Поэтому неудивительно, что с XIII в. до самого конца XV в. в Литве неизвестен ни один случай бесконфликтной передачи престола³⁹. Отсутствие порядка передачи власти, конкуренция внутри династии оставляли немало места проявлению воли знати. Именно от влияния отдельных группировок вельмож в значительной степени зависело утверждение того или иного князя на престоле.

³⁵ *Hermann de Wartberge. Chronicon Livoniae // Scriptores rerum prussicarum* (далее — SRP) / Hrsg. von Th. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Bd. 2. Leipzig, 1863. P. 98ш99 (ср.: *Lowmiański H. Studja nad początkami*. T. 2. S. 171–172).

³⁶ *Codex epistolaris Vitoldi magni ducis Lithuaniae 1376–1430* (далее — CEV) / Ed. A. Prochaska. Cracoviae, 1882. P. 20–21 (*furst herczog Iwan von Galschan Ougemundes son*).

³⁷ *Rowell S. C. Pious Princesses or the Daughters of Belial: Pagan Lithuanian Dynastic Diplomacy 1279–1423 // Medieval Prosopography*. 1994. Vol. 15. P. 3–80.

³⁸ Исключение составляет только брак Кейстута с Бирутой, которая происходила, скорее всего, из рода жемайтских вельмож. Но он также был обусловлен сознательной династической политикой (*Rowell S. C. Gedimainaičių dinastinė politika Žemaitijoje 1350–1430 m. // Žemaičių praetis*. T. 3. Vilnius, 1994. P. 125–136).

³⁹ Лишь в 1492 г. передача престола в семье Ягеллонов состоялась без значительных политических потрясений (*Petrauskas R. Nuo Vytauto iki Aleksandro Jogailaičio: Didžiojo Lietuvos kunigaikščio dvaro tęstinumo problema // Lietuvos didysis kunigaikštis Aleksandras ir jo epocha*. Vilnius, 2007. P. 47–55).

Археологические исследования и ранние письменные источники позволяют утверждать, что в балтских обществах накануне начала процессов консолидации государства существовал высший слой знатных людей (нобилей). Правда, его признаки источники раскрывают лишь в самых общих чертах. Столкновение с обществами соседних стран показывает, что эти знатные люди узнавались и признавались иноземцами. Латышская и прусская знать пережила завоевание Орденом, хотя в орденском государстве условия для развития власти знати были не особенно благоприятными⁴⁰. Христбургский договор 1249 г. признал за знатными пруссами право быть посвященными в рыцари, а это, согласно строгим правилам «доказательства знатности», которые уже устоялись в Западной Европе, было возможно лишь после подтверждения высокого происхождения⁴¹. Точно так же знатных литовцев-перебежчиков, как свидетельствует наиболее ранний случай Суксе (*Suxe*) и другие, позднейшие примеры, в Пруссии и Ливонии ждало привилегированное положение⁴². В прибалтийских странах нобили назывались словом «кунигас» (*kuning*), позаимствованным из германских языков еще в конце I тысячелетия. Скупые свидетельства источников рубежа XII–XIII вв. все же позволяют различить слой знати, власть которого распространялась на определенные территории. Хенрик Ловмянский называет эти земли волостями, однако этот термин может ввести в заблуждение, поскольку «настоящие» волости возникли позже, как территориальные структуры государства⁴³.

Особенно важным показателем политического развития и самосознания знати является название страны и племени «Литва». Оно показывает, что уже существовала определенная политическая общность со специфическим самосознанием, которая ясно отличала своих от чужих и могла скоординированно осуществлять политические действия — прежде всего военные походы в окрестные земли. В европейской историографии этногенеза, начиная с фундаментального труда Райнхарда Венкуса, племя трактуется как сложное политическое, но не обязательно этническое образование, сохранение устойчивости которого является сложной задачей⁴⁴. Поэтому «Литва» XIII в. обозначала не территорию с очерченными границами, а группу людей, осознающих свою принадлежность к конкретному политическому сообществу. Как показывают примеры зятя литовского князя Даугерута, а впоследствии одного из предводителей литовской дружины, князя Ерсика Висвальда (Всеволода) в начале XIII в. или воеводы Миндовга Хвала в более поздние времена, представители иноземной знати легко могли влиться

⁴⁰ О прусской знати в государстве Тевтонского ордена см.: *Wenskus R.* 1) Über einige Probleme der Sozialordnung der Preußen // *Acta Prussica. Festschrift für Fritz Gause.* Würzburg, 1968. S. 7–28; 2) Die gens Candein. Zur Rolle des preußischen Adels bei der Eroberung und Verwaltung Preußens // *Zeitschrift für Ostforschung.* 1961. Bd. 10. S. 84–103; 3) Studien zur Geschichte der Ritterschaft im Ordensland Preussen. I. Zur mittelalterlichen Geschichte des Geschlechts von Manstein // *Altpreußische Geschlechterkunde.* Neue Folge. 1982. Bd. 13. S. 51–64.

⁴¹ *Fleckenstein J.* Die Entstehung des niederen Adels und das Rittertum // *Herrschaft und Stand. Untersuchungen zur Sozialgeschichte im 13. Jahrhundert* / Hrsg. von J. Fleckenstein. Göttingen, 1977. S. 17–39.

⁴² *Perlbach M.* Urkunden des Rigaschen Capitel-Archives in der Fürstlich Czartoryskischen Bibliothek // *Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands.* 1886. Bd. 13. S. 17–18.

⁴³ *Wenskus R.* Kleinverbände und Kleinräume bei den Prußen des Samlandes // *Die Anfänge der Landgemeinde und ihr Wesen* / Hrsg. von Th. Mayer. Bd. 2. Konstanz; Stuttgart, 1964. S. 227.

⁴⁴ *Wenskus R.* Stammesbildung und Verfassung. Das Werden der frühmittelalterlichen gentes. Köln; Graz, 1961; см. также: *Geary P. J.* Before France and Germany. The creation and the transformation of the Merovingian world. New York; Oxford, 1988; *Wolfram H.* Origo et religio. Ethnic Traditions and Literature in Early Medieval Texts // *Early Medieval Europe.* 1994. Vol. 3. P. 19–38; *Integration und Herrschaft. Ethnische Identität und soziale Organisation im Frühmittelalter* / Hrsg. von W. Pohl und M. Dienesberger. Wien, 2002.

в ряды «литовцев»⁴⁵. Это было время, когда знатные люди со своими дружинами вели подвижный образ жизни и им было несложно интегрироваться в новое племенное окружение. «Литовцы», упоминаемые тогдашними источниками, — это не столько люди, говорящие на одном языке (хотя вообще языковой фактор, разумеется, играл важную роль в интеграции), сколько представители конкретного политического образования, которое в качестве консолидированного общества воспринимают иноземные хронисты, т. е. внешние наблюдатели. Это та группа, в которой сохраняется и развивается племенное самосознание. Вероятно, именно так следует понимать «литовцев в Жемайтии», упоминаемых в хрониках Тевтонского ордена. Можно думать, что такие «литовцы» вскоре появились и в тех русских землях, которые раньше всего стали частью формирующейся политической организации (Новогрудской, Полоцкой и др.).

В отличие от прусских и ливонских земель, в Литве знать была более дифференцированной. Формировался слой князей, которые утвердились на более обширной территории, располагали более крупными дружинами и, что самое важное, путем браков установили связи за пределами своих земель⁴⁶. Именно эти политические связи в отдельных землях определяли исключительное положение некоторых князей, поэтому вряд ли обоснованно рассматривать князей лишь как представителей конкретных земель. Эти князья могли проявлять политическую активность и за пределами своей земли, объединяться в коалиции, со своими дружинами переселяться на другую территорию. Следует заметить, что орденские источники не связывают князей с конкретными замками, в отличие, скажем, от вождей ливов или эстов. Такими были 20 литовских князей и одна княгиня, заключившие договор с Волынью в 1219 г.⁴⁷ С другой стороны, формирование этого слоя не привело к вытеснению более мелкой знати. Таким образом, постепенно происходило разделение нобилей на слои князей и знати (впоследствии по отношению к ней прижился термин «бояре»).

Основой власти знати было землевладение, размеры которого в историографии под влиянием труда Ловмянского оцениваются как очень ограниченные. Этот исследователь справедливо связывал складывание крупного землевладения с эпохой Витовта, а размеры владений более ранних времен устанавливал, опираясь на орденские пожалования нобилям — пруссам или перебежчикам из Литвы⁴⁸. Все же, как показали позднейшие исследования Венкуса, пожалования Ордена пруссам охватывали лишь часть земель, которыми те ранее владели, тогда как литовцев обещали более щедро вознаградить после завоевания Литвы⁴⁹. Даже эти скудные данные о землевладении литовских перебежчиков XIII–XIV вв. отражают достаточно дифференцированную ситуацию. Литовским нобилям,

⁴⁵ Генрих Латвийский указывает, что Висвальдис был «как будто один из литовцев»: *Qui filiam potentioris de Lethonia duxerat uxorem et quasi unus ex eis...* (*Heinrichs Livländische Chronik* / Bearb. von L. Arbusow und A. Bauer. Hannover, 1955. XIII/4). О происхождении этого князя в историографии нет единого мнения. Часть историков считает, что это был князь русского происхождения, подчинившийся Полоцку; между тем другие считают его представителем латгальской знати, а термин источников «русский» интерпретирует в конфессиональном смысле, как «православный» (*Назарова Е. Л. Русско-латгальские контакты в XII–XIII вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992–1993. М., 1995*).

⁴⁶ *Nikžentaitis A. Kunigaikščiai XIII amžiaus Baltijos kraštų visuomenėse // Lietuva ir jos kaimynai. Nuo normanų iki Napoleono. Prof. Broniaus Dundulio atminimui. Vilnius, 2001. P. 67–81.*

⁴⁷ Об этих князьях см.: *Gudavičius E. 1219 metų sutarties dalyviai ir jų vaidmuo suvienijant Lietuvą // Istorija. T. 22. Vilnius, 1982. P. 33–46.*

⁴⁸ *Lowmiański H. Studja nad początkami. T. 1. S. 259–285; критика этой концепции: Petruskas R. Lietuvos diduomenė XIV a. pabaigoje – XV a. P. 125–134.*

⁴⁹ *Wenskus R. Über einige Probleme der Sozialordnung der Preußen. S. 11–16.*

переселившимся в Пруссию, отводились владения неодинаковых размеров. Так, один из предводителей жемайтской знати Манстас в 1321 г. получил целых 25 сох земли, тогда как обычные бояре довольствовались 1–3 сохами⁵⁰. Кроме того, следует иметь в виду и различия во взглядах на землевладение в орденском государстве и балтских обществах. Орден, как территориальное государство⁵¹, принимал во внимание лишь конкретные отношения собственности на землю, поддающиеся измерению, а в Литве все еще существовала организация власти, основанная на личных связях, в которой величина владений понималась не столько в «территориальном», сколько в «личностном» смысле.

Поэтому важнейшим источником власти литовской знати была не принадлежащая ей территория, а власть и авторитет по отношению к живущим поблизости людям. Как и в других ранних «варварских» обществах, нобили Литвы и других балтских племен постоянно появляются в источниках в окружении «родственников и друзей» (лат. *amici et consanguinei*, нем. *vrunde und mäge*)⁵². В литовской историографии при рассмотрении социальной структуры ранней монархии по-прежнему господствует довольно статичная модель. В тогдашнем литовском обществе принято определенно выделять представителей рода, нобилей, свободных крестьян («лаукиники») и несвободных⁵³. «Поле», заселенное свободными крестьянами, выводится из догосударственной общинной организации, при этом утверждается, что социальные отношения в первые века государственности были стабильными и менялись мало. Все же последние исследования аналогичных структур в соседних странах (таких как польское *opole*⁵⁴ или прусский *lauks*⁵⁵) показали многозначность понятия «поле», которое не может быть опорной точкой обобщающей теории о живущем там свободном населении. Збыслав Войтковяк, исследовавший «поля» литовских бояр XVI в., отметил их генетическую и структурную неоднородность⁵⁶. С другой стороны, проблематично само по себе абстрактное понятие «свободы». Возникает вопрос: каково было положение т. н. «свободных людей» накануне образования государства, какими были их взаимоотношения со знатью и как они изменились после образования государства? Действительно ли в ранней монархии «свободные» были подчинены лишь правителю, а вельможи не имели никакой власти над ними? Данные источников и ситуация в соседних странах показывают, что слой «свободных» никогда не был однородным: наряду со свободным населением, подчиненным великому князю, могли существовать группы свободных, связанные с вельможами. Люди, принадлежавшие к разным группам «свободных», не работали на дворах вельмож, но были связаны с ними разного рода личными связями. Именно из них вельможи формировали свои свиты (*amici, vrunde, приятели*), о которых упоминают

⁵⁰ Codex diplomaticus Warmiensi / Hrsg. von C. P. Woelky und J. M. Saage. Bd. 1–2. Mainz, 1860 P. 358; PUB. Bd. 5 / Hrsg. von K. Conrad und H. Koeppen. Marburg, 1969. S. 91, 93, 168, 350 и др. Анализ этих пожалований см.: *Nikžentaitis A.* Nuo Daumanto iki Gedimino. Iki krikščioniškos Lietuvos visuomenės bruožai. Klaipėda, 1996. P. 13–14.

⁵¹ *Wenskus R.* Das Ordensland Preussen als Territorialstaat des 14. Jahrhunderts // *Der Deutsche Territorialstaat im 14. Jahrhundert* / Hrsg. von H. Patze. Sigmaringen, 1970. S. 347–382.

⁵² Например: *Livländische Reimchronik* / Hrsg. von L. Meyer. Paderborn, 1876. Vers. 2579 (*Миндовэ*), 2851 (*Милгерин, Гингеике, Тусче*). Примеры из источников собраны в книге: *Lowmiański H.* Studja nad początkami. T. 1. S. 435.

⁵³ *Jurginis J.* Baudžiavos įsigalėjimas Lietuvoje. Vilnius, 1962.

⁵⁴ *Matuszewski J. S.* Vicinia id est... Poszukiwania alternatywnej koncepcji opola. Łódź, 1991.

⁵⁵ *Wenskus R.* Kleinverbände und Kleinräume bei den Prußen des Samlandes. S. 236–250.

⁵⁶ *Wojtkowiak Z.* «Pole» jako jednostka osadniczo-terytorialna na Litwie w XVI w. (na przykładzie powiatu wilkomierskiego) // *Zeszyty naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza. Historia*. Nr. 11. Poznań, 1971. S. 157–173.

источники и XIII, и XIV в.⁵⁷ Кстати, в споре Витовта с руководством Ордена в начале XV в. по поводу сбежавших из Жемайтии крестьян более конкретно отразилось и содержание этого понятия «свободы» — право перехода и свобода от уплаты чинша⁵⁸. Однако очевидно, что все возможное разнообразие отношений этими двумя аспектами не исчерпывается. В данном контексте следует интерпретировать и упомянутых в том же споре крестьян, которые были «друзьями» бояр⁵⁹. Примером власти литовской знати и ее самосознания может служить пересказанная орденским хронистом Германом из Вартберге речь упитского «сатрапа» Эйгинта, в которой тот около 1360 г. грозился изгнать из Ливонии немцев, а ливонские замки раздать своим «родственникам и друзьям»⁶⁰. Именами литовских вельмож Стирпейки и Войшвилта, участвовавших в заключении договора с Ливонией в 1367 г., назывались «мир» и «граница»⁶¹. Не вызывает сомнений, что этими словами описана подвластная им территория недалеко от Ливонии⁶². Как видим, в источниках второй половины XIV в. и более позднего времени встречаются данные о достаточно самостоятельных областях власти знати, существовавших наряду с великокняжеским доменом.

В историографии по-прежнему сохраняет влияние теория истребления старой знати, которая связывает начало «нового» (Гедиминовичей или Витовта) литовского боярства со службой правителю. Эта теория декларирует, что логика создания государства требовала уничтожить все центры власти, ограничивавшие власть великого князя, а уже впоследствии монархи из династии Гедиминовичей создавали новое, служебное боярство. Однако эта оппозиция происхождения и службы — продукт общества позднейших времен, и ее нельзя переносить в более раннюю эпоху. Лишь при условии существования устойчивых властных структур правители получили новый инструмент власти — лиц, выполняющих конкретные службы в пользу государства. Между тем при рассмотрении ситуации предшествующих веков приходится говорить не об истреблении знати, а об ее трансформации в период складывания государства. Первая такая трансформация — из локальной знати в вельмож правителя. Даже скудный просопографический материал XIII в. позволяет ощутить преемственность знати. Так, наследники князей Рушковичей — участников договора 1219 г. с Волынью, Сирвид и Вайшна («Аишьвно») Рушковиичи, в 40-е и 50-е гг. были воеводами Миндовга⁶³, а другие участники того же договора, князя Делтувы Бикшис (*Бикиши*) и Лигейкис (*Ликиик*), выступают свидетелями документа Миндовга 1260 г. как его «бароны»⁶⁴. Хотя последний термин позаимствован из лексики общества с другой структурой, его выбор кажется неслучайным. Так, в Польше

⁵⁷ Livländische Reimchronik. Vers. 2851; *Hermann de Wartberge. Chronicon Livoniae*. P. 80 (*Eiginthe*, 1360 г.); *Wigand von Marburg. Cronica nova prutenica* // SRP. Bd. 2. P. 554 (*Busko*, 1365 г.).

⁵⁸ *Ivinskis Z. Geschichte des Bauernstandes in Litauen. Von den ältesten Zeiten bis zum Anfang des 16. Jahrhunderts*. Berlin, 1933. S. 42–48.

⁵⁹ CEV. P. 78 (*die doch gute baioren czu frunden hetten*).

⁶⁰ SRP. Bd. 2. P. 80 (*...se posse et velle omnes christianos et Theutonicos ex Livonia exterminare, iam castris per eum suis consanguineis et amicis deputatis*).

⁶¹ Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch. Bd. 2 / Hrsg. von F. G. Bunge. Reval, 1855. S. 772 (1367 г. — *duces Stirpeyken et Waysewist; pax ducis Stirpeyken*). *Войшвилтовская граница* с Ливонией встречается еще в документе 1499 г. (Акты Литовской метрики / Собр. Ф. И. Леонтович. Т. 2. Варшава, 1897. С. 36–37).

⁶² Литовцы *de Stripeyke* и *Wesewilte* упоминаются ок. 1357 г. (SRP. Bd. 2. P. 78). Герман из Вартберге отмечает, что в 1370 г. в сражении у Рудомины погиб *nobilis satrapa Wezewilte* (Ibid. P. 96).

⁶³ Договор 1219 г.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 735–736; *Аишьвно Рушькович* (Там же. Стб. 797), *Сирвид Рушькович* (Там же. Стб. 840).

⁶⁴ PUB. Bd. 1/2. S. 93 (*Lygeyke...Bixe... nostri barones et consanguinei*); ср.: *Gudavičius E. Mindaugas*. P. 254–255.

в XIII в. термином «*nostrī barones*» характеризуются вельможи, занимающие наиболее высокое положение в стране, наиболее приближенные к правителю⁶⁵. Поэтому и в случае Миндовга этот термин относится к ближайшему окружению литовского монарха.

При росте территории государства расширялась не только власть правящей династии. Признав высшую власть монарха, вельможи могли сохранить свое влияние и вновь развивать его в окружении правителя. Если ранее знать повелевала относительно небольшой территорией, то теперь участие в создании великокняжеской администрации⁶⁶ позволило значительно увеличить эту власть. С этим связана другая трансформация знати — образование рода с новой структурой.

V

Род является основной категорией знати, поскольку знатность может проявляться лишь в контексте рода. В средневековом обществе, не обладавшем прочными и долговременными государственными структурами, родственные связи играли существенную роль, гарантируя людям личную безопасность и стабильность политического и социального положения. Исторических деятелей в источниках всегда окружают родственники, уже с XIII в. политические группировки складываются прежде всего на основе родственных связей. В тогдашней структуре родства важная роль отводилась женщинам. Уже в первом подробном списке литовских князей — упоминавшемся договоре литовских князей с Вольной 1219 г. — среди участников договора упомянута одна княгиня. Скорее всего, этот случай был исключением, которое объяснялось сложившимися семейными обстоятельствами (после смерти мужа она могла представлять несовершеннолетнего сына или сыновей), однако в определенных условиях женщина могла фигурировать среди представителей власти. Еще важнее была ее роль при установлении связей между родами. В историографии, посвященной образованию Литовского государства, акцентируется политика Миндовга, основанная на принуждении, и нередко упускается из виду мирная интеграция путем брачных союзов. Эдвардас Гудавичюс обратил внимание на фактор «групп свойственников» в политической жизни того времени, когда в княжеских группировках мы видим многочисленных лиц, связанных брачными связями⁶⁷. В Литве можно реконструировать структуру рода, аналогичную той, что существовала и у западноевропейской знати в ранний период ее истории⁶⁸. Знатные роды тех времен были не ограниченными в правовом отношении, статичными единицами, а постоянно меняющимися образованиями, в которых родственники со стороны матери играли не меньшую роль, чем со стороны отца. Структура такого рода, по сути, не могла быть стабильной, поскольку в каждом поколении его состав неизбежно менялся. Это были обширные роды «кланового» типа, не имевшие общего наследуемого

⁶⁵ *Bogucki A.* Z badań nad terminologią źródeł polskich do połowy XIV wieku // *Studia Źródloznawcze*. 1974. T. 19. S. 29–46 (здесь: S. 38–39).

⁶⁶ *Petrauskas R.* Die Staatsstrukturen des frühen Grossfürstentums Litauen // *Litauisches Kulturinstitut. Jahrestagung* 2003. Lampertheim, 2004. S. 13–26 (литовский вариант статьи: *Ankstyvosios valstybinės struktūros Lietuvoje XIII amžiuje–XV amžiaus pradžioje* // *Lietuvos istorijos studijos*. 2005. T. 16. P. 19–30).

⁶⁷ *Gudavičius E.* 1219 metų sutarties dalyviai. P. 42–43.

⁶⁸ *Schmid K.* 1) Zur Problematik von Familie, Sippe und Geschlecht, Haus und Dynastie beim mittelalterlichen Adel // *Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins*. 1957. Bd. 105. S. 1–62; 2) Über die Struktur des Adels im früheren Mittelalter // *Jahrbuch für fränkische Landesforschung*. 1959. Bd. 19. S. 1–23. — Некоторые аспекты этой теории впоследствии были уточнены, но краеугольный тезис по-прежнему остается актуальным: *Spieß K.-H.* Familie und Verwandtschaft im deutschen Hochadel des Spätmittelalters. 13. bis Anfang des 16. Jahrhunderts. Stuttgart, 1993. S. 494–531.

имени и стабильного долговременного «родового гнезда». Ливонская рифмованная хроника XIII в., стремясь подчеркнуть могущество ливского вельможи Каупо, говорит, что «его род широк»⁶⁹. Такой характер структуры рода определил его своеобразное самосознание и именованность знати — имена не наследовались из поколения в поколение. Это самосознание было «горизонтальным», а не «вертикальным» (генеалогическим), когда признавались многочисленные родственники и свойственники из боковых линий того же поколения, а предки забывались. Неизвестна форма культуры, которая могла бы сохранить точные сведения о прошлом личности. «Горизонтальный» характер рода был прежде всего социальной категорией, а его сущность определялась специфическим самосознанием. Для этого самосознания особенно характерен отбор сохраняемых и развиваемых отношений, который акцентировал наиболее знатные связи, в том числе и с родственниками по линии материи.

Род был и социальной, и политической структурой. Происхождение из влиятельного рода обеспечивало высокое положение в обществе, поэтому Ливонская рифмованная хроника подчеркивает могущество рода Миндовга. Узаконенная обычаями кровная месть была важной гарантией личной безопасности в эпоху, наполненную постоянными кровавыми распрями. Боязнь кровной мести заставляла князей покидать свои земли⁷⁰, родственники были единственными надежными посредниками в процессе примирения. Родственники собирают выкуп за попавших в плен нобилей: племянника (брата сестры) Миндовга, князя Лугвеня, попавшего в плен в Ливонию, его «друзья» выкупают за 500 полумарок⁷¹. Родственники заботились не только о живых членах рода, но и об умерших. Вероятно, родственники получили часть тела литовского князя, погибшего в Ливонии в 1213 г., чтобы похоронить ее по своему обычаю⁷². Хотя конкретные исторические сведения о прошлом были сравнительно скудными и вряд ли превышали несколько поколений (тогдашние свадебные обычаи и продолжительность жизни приводили к тому, что внуки редко когда знали своих дедов), все же в знатном обществе, несомненно, существовало осознание знатного наследственного происхождения и связанный с этим «культ предков».

Отсутствие наследственных родовых имен у вельмож сильно затрудняет возможности генеалогического изучения ранней знати. Не имея дополнительной информации, попросту невозможно проследить родственные связи между отдельными вельможами, упоминаемыми в источниках XIII–XIV вв. Однако архаичная концепция рода кланового типа была особенно функциональной в ранней монархии, поскольку позволяла за счет материнской линии умножать число «друзей», а также, в случае брака с представительницей правящей династии, «улучшать» происхождение своего рода. В период формирования государства в таких браках были заинтересованы обе стороны — и монарх, и знать, поэтому неудивительно, что упомянутые «бароны» Миндовга Бикшис и Лигейкис одновременно были и его родственниками (свойственниками) (*barones nostri et consanguinei*)⁷³. Концепция агнатного боярского рода, в основе которой лежит

⁶⁹ Livländische Reimchronik. S. 9 (*sin geschlechte daz ist breit*).

⁷⁰ Такова была судьба князя Довмонта во второй половине XIII в. (см. о нем: Rowell S. C. Between Lithuania and Rus': Dovmont–Timofey of Pskov, his life and cult // Oxford Slavonic papers. New series. 1992. Vol. 25. P. 1–33).

⁷¹ Livländische Reimchronik. S. 71.

⁷² Heinrichs Livländische Chronik. XIII/5.

⁷³ См. примеч. 65.

мужская линия и для которой характерны наследственное родовое имя и генеалогическое самосознание, в Литве сформировалась лишь в XV в. в результате дальнейшего социального развития⁷⁴.

VI

В раннем Литовском государстве монарха и его власть невозможно воспринимать в отрыве от знати, а одной из важнейших областей деятельности и влияния монарха в Средние века была роль арбитра в конфликтах групп знати. Успех власти великого князя в немалой степени зависел от того, как ему удавалось лавировать между интересами разных группировок знати и сосредоточивать эти интересы на политических акциях. В этом смысле в ранней истории Литвы можно наблюдать не какой-то постепенный рост власти великого князя, а скорее определенные периоды, в которые отдельным правителям (таким как Миндовг и Гедимин) удавалось консолидировать знать, сосредоточить в своих руках важнейшие рычаги власти и инициировать изменения в системе управления. Формирование знатной элиты, занимавшей прочное наследственное положение, в немалой степени поспособствовало тому, что, несмотря на усобицы внутри династии, в Великом княжестве Литовском не возникла реальная опасность распада. Разумеется, династическая структура сама по себе была определенным гарантом сохранения государственной организации, однако поддержка со стороны наиболее влиятельной части вельмож была необходимой предпосылкой успешного утверждения власти нового монарха в стране.

Соединяющая людей сеть горизонтальных связей, характерная для ранней монархии, была действенной структурой повседневной жизни, благодаря своему специфическому характеру объединяющей индивидов в солидарное политическое общество. Иерархические отношения выполняли эту функцию лишь отчасти, поскольку, будучи по своей природе плодом соглашения лишь двух лиц — «сеньора» и «вассала», — не создавали более широкой общности. Связь между монархом и знатными подданными, акцентированная в нарративных источниках и документах («мой боярин»), была лишь одним аспектом этих отношений. Другим их аспектом была «дружба», проверенная временем, но постоянно обновляемая (дарами, общими действиями и т. п.), обусловленная общей политической судьбой и общими интересами. Такая «дружба» не противоречила подчинению, эти отношения скорее дополняли друг друга. В условиях господства межличностной коммуникации было естественно установить связи, дополняющие подданство. Так можно было сохранить проблематичную политическую и социальную стабильность.

Обобщая рассмотренные в статье аспекты политической системы ранней литовской монархии, важно еще раз подчеркнуть значение двух социальных факторов в период образования государства. Это возвышение правящего рода, структурированного по династическо-генеалогическому принципу, и формирование власти знати, которые сделали возможным этногенез литовцев (становление политического народа) и предопределили интеграцию Литовского государства в XIII–XIV вв.

⁷⁴ Подробнее см.: *Petrauskas R.* 1) XV amžiaus Lietuvos bajorijos struktūra: Giminės problema // *Tarp istorijos ir būtovės. Studijos prof. Edvardo Gudavičiaus 70-mečiui / Sudarė A. Bumblauskas ir R. Petrauskas.* Vilnius, 1999. P. 123–158; 2) *Lietuvos diduomenė.* P. 103–125.

Summary

This article examines two important aspects of state formation, viz. the rise of a ruling dynasty and the formation of a hereditary nobility. One of the most important conditions for the functioning of early monarchies was the existence of the concept of a ruling dynasty (*stirps regia*, the royal line) which clearly defined the circle of people enjoying the right to supreme power or a share in such power. The development of a ruling dynasty bears witness to the existence of a dynastic structure whereby inheritance was assured for only the closest members of a family. Usually this would be a monarch's sons, but sometimes when dynastic rule was still forming (or was incomplete) the throne might be inherited by a ruler's brother or other close kinsman. The rudiments of a dynastic mind-set can be discerned in Lithuania in the mid-13th century, when in 1255 there was an attempt to ensure the inheritance of royal power as Mindaugas obtained permission from Pope Alexander IV to crown his son. However disputes during the second half of the 13th century denied Mindaugas' kin the chance to establish themselves as the ruling line. A new *stirps regia* was formed in Lithuania, which 15th- and 16th-century chroniclers and later historians refer to as the Gediminids. The fact that the family's origins were associated in dynastic consciousness with the name of Gediminas reflects important developments which occurred in his day. Thenceforth only direct descendants of Gediminas, who regarded themselves and were acknowledged by others as natural lords (*domini naturales*), could pretend to the grand ducal throne. The birth of the concept of a ruling dynasty was served by Gediminas' international marriage policy, whereby the ruler's sons and daughters were married to representatives of ruling dynasties in neighbouring realms. Despite the changes in ruling dynasties during the first decades of Lithuanian statehood, we can see attempts by dominant groups to safeguard the continuity of the political community. An important factor in this was the development of a consolidated political elite comprising the rising ruling dynasty and groups of nobles who were closely connected with it. All the families which formed this elite came from a quite restricted region («Lithuania propria») and were connected by the proximity of their land holdings, marriage and ties of loyalty and friendship. As the great state formed dynastic rule was not the only thing to prosper. Noblemen who acknowledged the monarch's supreme authority were able to preserve their influence and develop it further within the ruler's environment. The nobility developed from being a local elite to become the ruler's lords as at the same time the internal structure of such families (kinship) changed; the archaic «open» clan organisation was replaced gradually by a more structured family unit. Competition within the dynasty gave considerable grounds for the nobility to develop political will of their own. The influence of separate noble groups determined to a large extent the establishment of a prince on the grand-ducal throne. Therefore, we cannot conceive of monarchical power in the early Lithuanian state separately from the nobility. We cannot speak of any evolutionary growth in grand-ducal power but should talk of periods when a given ruler (such as Mindaugas or Gediminas, for example) managed to consolidate the nobility and concentrate the most important reins of power in their own hands. The formation of an elite nobility contributed significantly to the fact that, despite disputes between members of the ruling dynasty, the danger of a split within the Grand Duchy of Lithuania was avoided. The rise of the ruling dynasty and the formation of noble power enabled Lithuanian ethno-genesis (the formation of a political nation) and determined the development of an integrated Lithuanian state in the 13th and 14th centuries.

Данные о статье

Автор: Петраускас, Римвидас, доктор истории, профессор кафедры древней и средневековой истории исторического факультета Вильнюсского университета, Вильнюс, Литва, Rimvydas.Petrauskas@if.vu.lt

Название: Правящий род и знать: к вопросу о предпосылках формирования Литовского государства

Резюме: В статье рассмотрены два аспекта процесса формирования Литовского государства: возвышение правящего рода и складывание наследственной знати. Одним из важнейших признаков средневековой государственности является формирование правящего рода (*stirps regia*). Понятие этого исключительного рода охватывает круг лиц, имеющих право на верховную власть или ее часть. При росте территории государства расширялась не только власть правящей династии. Признав высшую власть монарха, вельможи могли сохранить свое влияние, а участие в создании великокняжеской администрации позволило эту власть увеличить. С этим связана трансформация знати — образование рода с новой структурой. Возвышение правящего рода, структурированного по династическо-генеалогическому принципу, и формирование власти знати сделали возможным этногенез литовцев (становление политического народа) и предопределили интеграцию Литовского государства в XIII–XIV вв.

Ключевые слова: Великое Княжество Литовское, государство, правящий род, Миндовг, Гедиминовичи, родство, знать, власть

Литература, использованная в статье

Гудавичюс, Эдвардас. По поводу так называемой «диархии» в Великом Княжестве Литовском // Feodālisms Baltijas reģiona: Zinātnisko rakstu krājums / Red. Rolova, Aleksandra; Pāvulāne, Velta; Pāvulāns, Vilnis. Rīga: P. Stučka Latvijas Valsts universitāte, 1985. Lp. 35–44.

Лысенка, Пётар Фёдаравіч. (Ред.). Археалогія Беларусі. Т. 3: Сярэднявековы перыяд (IX–XIII стст.). Мінск: Беларуская навука, 2000. 554 с.

Назарова, Евгения Львовна. Русско-латгальские контакты в XII–XIII вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992–1993. М., 1995. С. 182–196.

Насевіч, Вячаслаў Леанідавіч. Пачаткі Вялікага княства Літоўскага. Падзеі і асобы. Мінск: Польша, 1993. 160 с.

Охманьский, Ежи. Гедиминовичи — «правнуки Сколомендовы» // Польша и Русь: Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши в XII–XIV вв. / Ред. Рыбаков, Борис Александрович. Москва: Наука, 1974. С. 358–364.

Пацуто, Владимир Терентьевич. Образование Литовского государства. Москва: АН СССР, 1959. 530 с.

Петраускас, Римвидас. Забытый король: Миндовг в политико-историческом сознании литовской элиты в конце XIV – начале XVI вв. // Литва эпохи Миндаугаса и ее соседи: Исторические и культурные связи и параллели. Тезисы международной научной конференции. 11–12 декабря 2003 г. Москва, 2003. С. 40–43.

Althoff, Gerd. Verwandte, Freunde und Getreue. Zum politischen Stellenwert der Gruppenbindungen im früheren Mittelalter. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1990. 237 s.

Bak, János M. Studying medieval rulers and their subjects. Central Europe and beyond. Aldershot: Ashgate, 2010. 310 p.

Baranauskas, Tomas. Lietuvos valstybės ištakos. Vilnius: Vaga, 2000. 317 p.

Bardach, Juliusz. Studia z ustroju i prawa Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV–XVII w. Warszawa; Białystok: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1970. 402 s.

Bogucki, Ambroży. Z badań nad terminologią źródeł polskich do połowy XIV wieku // Studia Źródłoznawcze. 1974. T. 19. S. 29–46.

Dubonis, Artūras. Traidenis. Monarcho valdžios atkūrimas Lietuvoje (1268–1282). Vilnius: Lietuvos istorijos institutas, 2009. 242 p.

Fleckenstein, Josef. Die Entstehung des niederen Adels und das Rittertum // Herrschaft und Stand. Untersuchungen zur Sozialgeschichte im 13. Jahrhundert / Hrsg. von Josef Fleckenstein. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1977. S. 17–39.

Gawlas, Sławomir. O kształt ę jednoczonego Królestwa. Niemieckie wółdztwo terytorialne a geneza społeczno-ustrojowej odrębności Polski. Warszawa: Wydawnictwo DiG, 1996. 211 s.

Geary, Patrick J. Before France and Germany. The creation and the transformation of the Merovingian world. New York; Oxford: Oxford University Press, 1988. 259 p.

Graus, František. Die Entstehung der mittelalterlichen Staaten in Mitteleuropa // *Historica*. Bd. 10. 1965. S. 5–65.

Gudavičius, Edvardas. Baltų alodo raida // Lietuvos TSR Mokslų Akademijos darbai. Serija A. 1979. T. 4. P. 95–103.

Gudavičius, Edvardas. Baltų alodo paveldėjimas ir disponavimas juo // Lietuvos TSR Mokslų Akademijos darbai. Serija A. 1980. T. 3. P. 55–62.

Gudavičius, Edvardas. 1219 metų sutarties dalyviai ir jų vaidmuo suvienijant Lietuvą // *Istorija*. 1982. T. 22. P. 33–46.

Gudavičius, Edvardas. Aukščiausia žemės nuosavybė «barbarinėje» Lietuvoje // Lietuvos TSR aukštųjų mokyklų mokslo darbai. Istorija. 1983. T. 23. P. 3–12.

Gudavičius, Edvardas. Bandyamas lokalizuoti XIII a. lietuvių kunigaikščių valdas // Lietuvos TSR Mokslų Akademijos darbai. Serija A. 1984. Nr. 3. P. 69–79.

Gudavičius, Edvardas. Mindaugas. Vilnius: Žara, 1998. 359 p.

Gudavičius, Edvardas. Lietuvos europėjimo keliais: Istorinės studijos. Vilnius: Aidai, 2002. 383 p.

Ivinskis, Zenonas. Geschichte des Bauernstandes in Litauen. Von den ältesten Zeiten bis zum Anfang des 16. Jahrhunderts. Berlin: E. Ebering Verlag, 1933. 264 s.

Jakštas, Juozas. Naujaisi Gedimino dinastijos kilmės tyrinėjimai // Lietuvos praeitis. T. 1. Kaunas, 1940. P. 29–56.

Jurginis, Juozas. Baudžiamoji įsigalėjimas Lietuvoje. Vilnius: Valstybinė politinės ir mokslinės literatūros leidykla, 1962. 343 p.

Keller, Hagen. Ottonische Königsherrschaft. Organisation und Legitimation königlicher Macht. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2002. 319 s.

Kurnatowska, Zofia. Territorial structures in West Poland prior to the founding of the state organization of Mieszko I // *Origins of Central Europe* / Ed. Przemysław Urbańczyk. Warszawa: Scientific society of Polish Archaeologists Institute of Archaeology and Ethnology Polish Academy of Sciences, 1997.

Kurnatowska, Zofia. Początki Polski. Poznań: Poznańskie Towarzystwo przyjaciół nauk, 2002. 179 s.

Kurtyka, Janusz. Odrodzone Królestwo. Monarchia Władysława Łokietka i Kazimierza Wielkiego w świetle nowych badań. Kraków: Towarzystwo naukowe Societas Vistulana, 2001. 272 s.

Lowmiański, Henryk. Studja nad początkami społeczeństwa i państwa litewskiego. T. 1–2. Wilno: Towarzystwo przyjaciół nauk, 1931–1932. 444 s.

Lowmiański, Henryk. Studia nad dziejami Wielkiego Księstwa Litewskiego. Poznań: Wydawnictwo naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 1983. 579 s.

Matuszewski, Jacek S. Vicinia id est... Poszukiwania alternatywnej koncepcji opola. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1991. 235 s.

Nikžentaitis, Alvydas. Nuo Daumanto iki Gedimino. Iki krikščioniškos Lietuvos visuomenės bruožai. Klaipėda: Klaipėdos universiteto leidykla, 1996. 138 p.

Nikžentaitis, Alvydas. Kunigaikščiai XIII amžiaus Baltijos kraštų visuomenėse // Lietuva ir jos kaimynai. Nuo normanų iki Napoleono. Prof. Broniaus Dundulio atminimui / Red. Valikonytė, Irena; Meilus, Elmantas; Mickevičius, Arturas. Vilnius: Vaga, 2001. P. 67–81.

Ochmański, Jerzy. Uwagi o litewskim państwie wczesnofeudalnym // *Roczniki Historyczne*. 1961. T. 27. S. 143–160.

Petrauskas, Rimvydas. XV amžiaus Lietuvos bajorijos struktūra: Giminės problema // Tarp istorijos ir būtovės. Studijos prof. Edvardo Gudavičiaus 70-mečiui / Sudarė Alfredas Bumblauskas ir Rimvydas Petrauskas. Vilnius: Aidai, 1999. P. 123–158.

Petrauskas, Rimvydas. Lietuvos diduomenė XIV a. pabaigoje – XV a.: Sudėtis — struktūra — valdžia. Vilnius: Aidai, 2003. 379 p.

Petrauskas, Rimvydas. Die Staatsstrukturen des frühen Grossfürstentums Litauen // Litauisches Kulturinstitut. Jahrestagung 2003. Lampertheim, 2004. S. 13–26. *Petrauskas, Rimvydas.* Ankstyvosios valstybinės struktūros Lietuvoje XIII amžiuje – XV amžiaus pradžioje // Lietuvos istorijos studijos. 2005. T. 16. P. 19–30.

Petrauskas, Rimvydas. Nuo Vytauto iki Aleksandro Jogailaičio: Didžiojo Lietuvos kunigaikščio dvaro tęstinumo problema // Lietuvos didysis kunigaikštis Aleksandras ir jo epocha / Ats. red. Petrauskas, Rimvydas. Vilnius: Vilniaus pilių valstybinio kultūrinio rezervato direkcija, 2007. P. 47–55.

Petrauskas, Rimvydas. Užmirštas karalius: Mindaugas LDK visuomenės savimonėje XIV a. pabaigoje – XVI a. // Mindaugas karalius: Aidai / Sud. Ališauskas, Vytautas. Vilnius, 2008. P. 51–63.

Petrauskas, Rimvydas. (Sud.) Lietuvos valstybės susikūrimas europiniame kontekste. Vilnius: Versus aureus, 2008.

Pohl, Walter. Diesenberger, Maximilian. (Hrsg.) Integration und Herrschaft. Ethnische Identität und soziale Organisation im Frühmittelalter. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2002.

Rowell Stephen C. Between Lithuania and Rus': Dovmont–Timofey of Pskov, his life and cult // Oxford Slavonic Papers. New series. 1992. Vol. 25. P. 1–33.

Rowell Stephen C. Gedimainaičių dinastinė politika Žemaitijoje 1350–1430 m. // Žemaičių praeitis. T. 3. Vilnius, 1994. P. 125–136.

Rowell Stephen C. Lithuania ascending. A pagan empire within east–central Europe 1295–1345. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 375 p.

Rowell Stephen C. Pious Princesses or the Daughters of Belial: Pagan Lithuanian Dynastic Diplomacy 1279–1423 // Medieval Prosopography. 1994. Vol. 15. P. 3–80.

Schmid, Karl. Zur Problematik von Familie, Sippe und Geschlecht, Haus und Dynastie beim mittelalterlichen Adel // Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins. 1957. Bd. 105. S. 1–62.

Schmid, Karl. Über die Struktur des Adels im früheren Mittelalter // Jahrbuch für fränkische Landesforschung. 1959. Bd. 19. S. 1–23.

Spieß, Karl.-Heinz. Familie und Verwandtschaft im deutschen Hochadel des Spätmittelalters. 13. bis Anfang des 16. Jahrhunderts. Stuttgart: Steiner Verlag, 1993. 627 S.

Świeżawski, Aleksander. Mazowsze i Ruś Czerwona w średniowieczu. Częstochowa: Wydawnictwo Wyższej szkoły pedagogicznej w Częstochowie, 1997. 327 s.

Tegowski, Jan. Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. Poznań; Wrocław: Wydawnictwo Historyczne, 1999. 320 s.

Tellenbach, Gerd. Vom karolingischen Reichsadel zum deutschen Reichsfürstenstand // Herrschaft und Staat im Mittelalter / Hrsg. von Hellmut Kämpf. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1956. S. 191–242.

Vaitkunskienė, Laima. Dėl žemaičių kilmės // Žemaičių praeitis. T. 1. Vilnius, 1990. P. 26–41.

Vakarų baltai: Etnogenezė ir etninė kultūra. Vilnius: Lietuvos istorijos institutas, 1997. 367 p.

Vasiliauskas, Ernestas. Žiemgalių žemės XII–XIII a. // Kryžiaus karų epocha Baltijos regiono tautų istorinėje sąmonėje / Sud. Rita Regina Trimonienė ir Robertas Jurgaitis. Šiauliai: Saulės delta, 2007. P. 34–64.

Volkaitė-Kulikauskienė Regina (Red.). Lietuvių etnogenezė. Vilnius: Mokslas, 1987. 255 p.

Wenskus, Reinhard. Die gens Candein. Zur Rolle des preußischen Adels bei der Eroberung und Verwaltung Preußens // Zeitschrift für Ostforschung. 1961. Bd. 10. S. 84–103.

Wenskus, Reinhard. Stammesbildung und Verfassung. Das Werden der frühmittelalterlichen gentes. Köln; Graz: Böhlau Verlag, 1961. 656 s.

Wenskus, Reinhard. Kleinverbände und Kleinräume bei den Prußen des Samlandes // Die Anfänge der Landgemeinde und ihr Wesen / Hrsg. von Th. Mayer. Bd. 2. Konstanz; Stuttgart: Thorbecke Verlag, 1964. S. 236–250.

Wenskus, Reinhard. Über einige Probleme der Sozialordnung der Prußen // Acta Prussica. Festschrift für Fritz Gause. Würzburg: Holzner Verlag, 1968. S. 7–28.

Wenskus, Reinhard. Das Ordensland Preussen als Territorialstaat des 14. Jahrhunderts // Der Deutsche Territorialstaat im 14. Jahrhundert / Hrsg. von H. Patze. Sigmaringen: Thorbecke Verlag, 1970. S. 347–382.

Wenskus, Reinhard. Studien zur Geschichte der Ritterschaft im Ordensland Preussen. I. Zur mittelalterlichen Geschichte des Geschlechts von Manstein // Altpreußische Geschlechterkunde. Neue Folge. 1982. Bd. 13. S. 51–64.

Wojtkowiak, Zbysław. «Pole» jako jednostka osadniczo-terytorialna na Litwie w XVI w. (na przykładzie powiatu wilkomierskiego) // Zeszyty naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza. Historia. Poznań, 1971. Nr. 11. S. 157–173.

Wolfram, Herwig. Origo et religio. Ethnic Traditions and Literature in Early Medieval Texts // Early Medieval Europe. London: Blackwell, 1994. Vol. 3. P. 19–38.

Wood, Ian. The Merovingian Kingdoms, 470–751. New York; London: Longman, 1994. 396 p.

Zabiela, Gintautas. (Ats. red.) Lietuvos istorija. T. 2: Geležies amžius. Vilnius: Baltos lankos, 2007. 517 p.

Žulkus, Vladas. Kuršiai Baltijos jūros erdvėje. Vilnius: Versus aureus, 2004. 254 p.

Urbańczyk, Przemysław. Władza i polityka we wczesnym średniowieczu. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2008. 275 s.

Information about the article

Author: Petrauskas, Rimvydas, Ph. D. in History, Professor of the Department of Early and Medieval History of the Faculty of History of Vilnius University, Vilnius, Lithuania, Rimvydas.Petrauskas@if.vu.lt

Title: The ruling dynasty and the nobility: On the bases for the formation of the Lithuanian State

Summary: This article examines two important aspects of state formation, viz. the rise of a ruling dynasty and the formation of a hereditary nobility. One of the most important conditions for the functioning of early monarchies was the existence of the concept of a ruling dynasty (*stirps regia*) which clearly defined the circle of people enjoying the right to supreme power or a share in such power. As the great state formed dynastic rule was not the only thing to prosper. Noblemen who acknowledged the monarch's supreme authority were able to preserve their influence and develop it further within the ruler's environment. The nobility developed from being a local elite to become the ruler's lords as at the same time the internal structure of such families changed. The rise of the ruling dynasty and the formation of noble power enabled Lithuanian ethno-genesis (the formation of a political nation) and determined the development of an integrated Lithuanian state in the 13th and 14th centuries.

Key words: Grand Duchy of Lithuania, state, ruling dynasty, Mindaugas, Gediminids, kinship, nobility, power

References

Althoff, Gerd. *Verwandte, Freunde und Getreue. Zum politischen Stellenwert der Gruppenbindungen im früheren Mittelalter*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1990. 237 s.

Bak, János M. *Studying medieval rulers and their subjects. Central Europe and beyond*. Aldershot: Ashgate, 2010. 310 p.

Baranauskas, Tomas. *Lietuvos valstybės ištakos*. Vilnius: Vaga, 2000. 317 p.

Bardach, Juliusz. *Studia z ustroju i prawa Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV–XVII w.* Warszawa; Białystok: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1970. 402 s.

Bogucki, Ambroży. Z badań nad terminologią źródeł polskich do połowy XIV wieku, in *Studia Źródloznawcze*. 1974. T. 19. S. 29–46.

Dubonis, Artūras. *Traidenis. Monarcho valdžios atkūrimas Lietuvoje (1268–1282)*. Vilnius: Lietuvos istorijos institutas, 2009. 242 p.

Fleckenstein, Josef. Die Entstehung des niederen Adels und das Rittertum, in Fleckenstein, Josef (ed.). *Herrschaft und Stand. Untersuchungen zur Sozialgeschichte im 13. Jahrhundert*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1977. S. 17–39.

Gawlas, Sławomir. *O kształt zjednoczonego Królestwa. Niemieckie władztwo terytorialne a geneza społeczno-ustrojowej odrębności Polski*. Warszawa: Wydawnictwo DiG, 1996. 211 s.

Geary, Patrick J. *Before France and Germany. The creation and the transformation of the Merovingian world*. New York; Oxford: Oxford University Press, 1988. 259 p.

Graus, František. Die Entstehung der mittelalterlichen Staaten in Mitteleuropa, in *Historica*. Bd. 10. 1965. S. 5–65.

Gudavičius, Edvardas. Baltų alodo raida, in *Lietuvos TSR Mokslų Akademijos darbai. Serija A*. 1979. T. 4. P. 95–103.

Gudavičius, Edvardas. Baltų alodo paveldėjimas ir disponavimas juo, in *Lietuvos TSR Mokslų Akademijos darbai. Serija A*. 1980. T. 3. P. 55–62.

Gudavičius, Edvardas. 1219 metų sutarties dalyviai ir jų vaidmuo suvienijant Lietuvą, in *Istorija*. 1982. T. 22. P. 33–46.

Gudavičius, Edvardas. Aukščiausia žemės nuosavybė «barbarinėje» Lietuvoje, in *Lietuvos TSR aukštųjų mokyklų mokslo darbai. Istorija*. 1983. T. 23. P. 3–12.

Gudavičius, Edvardas. Bandymas lokalizuoti XIII a. lietuvių kunigaikščių valdas, in *Lietuvos TSR Mokslų Akademijos darbai. Serija A*. 1984. Nr. 3. P. 69–79.

Gudavičius, Edvardas. Po povodu tak nazyvayemoi «diarkhii» v Velikom Knyazhestve Litovskom [On the so-called «diarchy» in the Grand Duchy of Lithuania], in Rolova, Aleksandra; Pāvulāne, Velta; Pāvulāns, Vilnis. *Feodālisms Baltijas reģiōna: Zinātnisko rakstu krājums*. Rīga: P. Stučkas Latvijas Valsts universitāte, 1985. Rīga, 1985. Lp. 35–44.

Gudavičius, Edvardas. *Mindaugas*. Vilnius: Žara, 1998. 359 p.

Gudavičius, Edvardas. *Lietuvos europėjimo keliais: istorinės studijos*. Vilnius: Aidai, 2002. 383 p.

Ivinskis, Zenonas. *Geschichte des Bauernstandes in Litauen. Von den ältesten Zeiten bis zum Anfang des 16. Jahrhunderts*. Berlin: E. Ebering Verlag, 1933. 264 S.

Jakštas, Juozas. Naujaisi Gedimino dinastijos kilmės tyrinėjimai, in *Lietuvos praeitis*. T. 1. Kaunas, 1940. P. 29–56.

Jurginis, Juozas. *Baudžiamos įsigalėjimas Lietuvoje*. Vilnius: Valstybinė politinės ir mokslinės literatūros leidykla, 1962. 343 p.

Keller, Hagen. *Ottonische Königsherrschaft. Organisation und Legitimation königlicher Macht*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2002. 319 s.

Kurnatowska, Zofia. Territorial structures in West Poland prior to the founding of the state organization of Mieszko I, in Urbańczyk, Przemysław (ed.). *Origins of Central Europe*. Warszawa: Scientific society of Polish Institute of Archaeology and Ethnology of Polish Academy of Sciences, 1997.

Kurnatowska, Zofia. *Początki Polski*. Poznań: Poznańskie Towarzystwo przyjaciół nauk, 2002. 179 s.

Kurtyka, Janusz. *Odrodzone Królestwo. Monarchia Władysława Łokietka i Kazimierza Wielkiego w świetle nowych badań*. Kraków: Towarzystwo naukowe Societas Vistulana, 2001. 272 s.

Łowmiański, Henryk. *Studia nad początkami społeczeństwa i państwa litewskiego*. T. 1–2. Wilno: Towarzystwo przyjaciół nauk, 1931–1932. 444 s.

Łowmiański, Henryk. *Studia nad dziejami Wielkiego Księstwa Litewskiego*. Poznań: Wydawnictwo naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 1983. 579 s.

Lysenka, Piotar Fiodaravich (ed.). *Arheologiya Belarusi. T. 3: Syarednevnyakovny peryiad (IX–XIII stst.)* [The archaeology of Belarus. Vol. 3: The Middle Ages]. Minsk: Belaruskaya navuka, 2000. 554 s.

Matuszewski, Jacek S. *Vicinia id est... Poszukiwania alternatywnej koncepcji opola*. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1991. 235 s.

Nazarova, Yevgeniya L'vovna. Russko-latga'skie kontakty v XII–XIII vv. [Russian-Latgalian contacts in the 12th and 13th centuries], in *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoi Evropy* [The earliest states of Eastern Europe]. 1992–1993. Moskva, 1995. S. 182–196.

Nasevich, Vyachaslav Leanidavich. *Pachatki Vyalikaha knyastva Litovskaha. Padzei i asoby* [The origins of the Grand Duchy of Lithuania. Events and persons]. Minsk: Belaruskaya navuka, 1993. 160 s.

Nikžentaitis, Alvydas. *Nuo Daumanto iki Gedimino. Iki krikščioniškos Lietuvos visuomenės bruožai*. Klaipėda: Klaipėdos universiteto leidykla, 1996. 138 p.

Nikžentaitis, Alvydas. Kunigaikščiai XIII amžiaus Baltijos kraštų visuomenėse, in Valikonytė, Irena; Meilus, Elmantas; Mickevičius, Arturas (ed.). *Lietuva ir jos kaimynai. Nuo normanų iki Napoleono. Prof. Broniaus Dundulio atminimui*. Vilnius: Vaga, 2001. P. 67–81.

Ochmański, Jerzy. Uwagi o litewskim państwie wczesnofeudalnym, in *Roczniki Historyczne*. 1961. T. 27. S. 143–160.

Ochmański, Jerzy. Gediminovichi — «pravniki Skolomendovy» [The Gediminids — «Skolomend's great-grandsons»], in Rybakov, Boris Alexandrovich (ed.). *Pol'sha i Rus': Cherty obschnosti i svoyeobraziya v istoricheskom razvitii Rusi i Pol'shi XII–XIV vv.* [Poland and Russia: Common and special features in the historical development of Rus' and Poland in 12–14 centuries]. Moskva: Nauka, 1974. S. 358–364.

Pashuto, Vladimir Terentyevich. *Obrazovanie Litovskogo gosudarstva* [The formation of the Lithuanian state]. Moskva: AN SSSR, 1959. 530 s.

Petrauskas, Rimvydas. XV amžiaus Lietuvos bajorijos struktūra: Giminės problema, in Bumblauskas, Alfredas; Petrauskas, Rimvydas (ed.). *Tarp istorijos ir būtovės. Studijos prof. Edvardo Gudavičiaus 70-mečiui*. Vilnius: Aidai, 1999. P. 123–158.

Petrauskas, Rimvydas. *Lietuvos diduomenė XIV a. pabaigoje – XV a.: Sudėtis – struktūra – valdžia*. Vilnius: Aidai, 2003. 379 p.

Petrauskas, Rimvydas. Die Staatsstrukturen des frühen Grossfürstentums Litauen, in *Litauisches Kulturinstitut. Jahrestagung 2003*. Lampertheim, 2004. S. 13–26.

Petrauskas, Rimvydas. Zabytyi korol': Mindogv v politico-istoricheskom soznanii litovskoi elity v konce XIV – nachale XVI v. [Forgotten king: Mindaugas in political-historical consciousness of the Lithuanian elite in the late 14th and early 15th century], in *Litva epokhi Mindaugasa i yeye sosedi: istoricheskiye i kul'turnyye svyazi i paralleli. Tezisy mezhdunarodnoi nauchnoi konferencii. 11–12 dekabrya 2003 g.* [Lithuania in the age of Mindaugas: historical and cultural connections and parallels. The proceedings of the international conference. December 11–12, 2003]. Moskva, 2003. S. 40–43.

Petrauskas, Rimvydas. Ankstyvosios valstybinės struktūros Lietuvoje XIII amžiuje – XV amžiaus pradžioje, in *Lietuvos istorijos studijos*. 2005. T. 16. P. 19–30.

Petrauskas, Rimvydas. Nuo Vytauto iki Aleksandro Jogailaičio: Didžiojo Lietuvos kunigaikščio dvaro tęstinumo problema, in Petrauskas, Rimvydas (ed.). *Lietuvos didysis kunigaikštis Aleksandras ir jo epocha*. Vilnius: Vilniaus pilių valstybinio kultūrinio rezervato direkcija, 2007. P. 47–55.

Petrauskas, Rimvydas. Užmirštas karalius: Mindaugas LDK visuomenės savimonėje XIV a. pabaigoje – XVI a., in Ališauskas, Vytautas (ed.). *Mindaugas karalius: Aidai*. Vilnius, 2008. P. 51–63.

Petrauskas, Rimvydas (ed.). *Lietuvos valstybės susikūrimas europiniame kontekste*. Vilnius: Versus aureus, 2008.

Pohl, Walter; Diesenberger, Maximilian (ed.). *Integration und Herrschaft. Ethnische Identität und soziale Organisation im Frühmittelalter*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2002.

Rowell Stephen C. Between Lithuania and Rus': Dovmont–Timofey of Pskov, his life and cult, in *Oxford Slavonic Papers. New series*. 1992. Vol. 25. P. 1–33.

Rowell Stephen C. Gediminaičių dinastinė politika Žemaitijoje 1350–1430 m., in *Žemaičių praeitis*. T. 3. Vilnius, 1994. P. 125–136.

Rowell Stephen C. *Lithuania ascending. A pagan empire within east-central Europe 1295–1345*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 375 p.

Rowell Stephen C. Pious Princesses or the Daughters of Belial: Pagan Lithuanian Dynastic Diplomacy 1279–1423, in *Medieval Prosopography*. 1994. Vol. 15. P. 3–80.

Schmid, Karl. Zur Problematik von Familie, Sippe und Geschlecht, Haus und Dynastie beim mittelalterlichen Adel, in *Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins*. 1957. Bd. 105. S. 1–62.

Schmid, Karl. Über die Struktur des Adels im früheren Mittelalter, in *Jahrbuch für fränkische Landesforschung*. 1959. Bd. 19. S. 1–23.

Spieß, Karl-Heinz. *Familie und Verwandtschaft im deutschen Hochadel des Spätmittelalters. 13. bis Anfang des 16. Jahrhunderts*. Stuttgart: Steiner Verlag, 1993. 627 s.

Swieżawski, Aleksander. *Mazowsze i Ruś Czerwona w średniowieczu*. Częstochowa: Wydawnictwo Wyższej szkoły pedagogicznej w Częstochowie, 1997. 327 s.

Tegowski, Jan. *Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów*. Poznań; Wrocław: Wydawnictwo Historyczne, 1999. 320 s.

Tellenbach, Gerd. Vom karolingischen Reichsadel zum deutschen Reichsfürstenstand, in Kämpf, Hellmut (ed.). *Herrschaft und Staat im Mittelalter*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1956. S. 191–242.

Vaitkunskienė, Laima. Dėl žemaičių kilmės, in *Žemaičių praeitis*. T. 1. Vilnius, 1990. P. 26–41.

Vakarų baltai: Etnogenezė ir etninė kultūra. Vilnius: Lietuvos istorijos institutas, 1997. 367 p.

Vasiliauskas, Ernestas. Žiemgalių žemės XII–XIII a., in Trimonienė, Rita Regina; Jurgaitis, Robertas (ed.). *Kryžiaus karų epocha Baltijos regiono tautų istorinėje sąmonėje*. Šiauliai: Saulės delta, 2007. P. 34–64.

Volkaitė-Kulikauskienė, Regina (ed.). *Lietuvių etnogenezė*. Vilnius: Mokslas, 1987. 255 p.

Wenskus, Reinhard. Die gens Candein. Zur Rolle des preußischen Adels bei der Eroberung und Verwaltung Preußens, in *Zeitschrift für Ostforschung*. 1961. Bd. 10. S. 84–103.

Wenskus, Reinhard. *Stammesbildung und Verfassung. Das Werden der frühmittelalterlichen gentes*. Köln; Graz: Böhlau Verlag, 1961. 656 s.

Wenskus, Reinhard. Kleinverbände und Kleinräume bei den Prußen des Samlandes, in Mayer, Theodor (ed.). *Die Anfänge der Landgemeinde und ihr Wesen*. Bd. 2. Konstanz; Stuttgart: Thorbecke Verlag, 1964. S. 236–250.

Wenskus, Reinhard. Über einige Probleme der Sozialordnung der Prußen, in *Acta Prussica. Festschrift für Fritz Gause*. Würzburg: Holzner Verlag, 1968. S. 7–28.

Wenskus, Reinhard. Das Ordensland Preussen als Territorialstaat des 14. Jahrhunderts, in Patze, Hans (ed.). *Der Deutsche Territorialstaat im 14. Jahrhundert*. Sigmaringen: Thorbecke Verlag, 1970. S. 347–382.

Wenskus, Reinhard. Studien zur Geschichte der Ritterschaft im Ordensland Preussen. I. Zur mittelalterlichen Geschichte des Geschlechts von Manstein, in *Altpreußische Geschlechterkunde. Neue Folge*. 1982. Bd. 13. S. 51–64.

Wojtkowiak, Zbysław. «Pole» jako jednostka osadniczo-terytorialna na Litwie w XVI w. (na przykładzie powiatu wilkomierskiego), in *Zeszyty naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza. Historia*. Poznań, 1971. Nr. 11. S. 157–173.

Wolfram, Herwig. Origo et religio. Ethnic Traditions and Literature in Early Medieval Texts, in *Early Medieval Europe*. 1994. Vol. 3. P. 19–38.

Wood, Ian. *The Merovingian Kingdoms, 470–751*. New York; London: Longman, 1994. 396 p.

Zabiela, Gintautas (ed.). *Lietuvos istorija. T. 2: Geležies amžius*. Vilnius: Baltos lankos, 2007. 517 p.

Žulkus, Vladas. *Kuršiai Baltijos jūros erdvėje*. Vilnius: Versus aureus, 2004. 254 p.

Urbańczyk, Przemysław. *Władza i polityka we wczesnym średniowieczu*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2008. 275 s.